

ЭТНОПОЛИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

А.Л. Сафонов

Рассматривается реактуализация этничности – одной из ключевых тенденций глобализации.

Ключевые слова: глобализация; этнос; этничность; нация; национальность; государство; социальная группа; идентичность.

Один из ключевых вопросов социальной теории глобализации – вопрос о соотношении этноса и нации как системообразующих социальных групп.

В европейской научной традиции Нового времени процесс исторического развития мыслится как поэтапное слияние низших, эволюционно более ранних общностей с образованием новых, более широких, и “отмиранием”, деактуализацией предшествующих. В частности, гражданская нация рассматривалась как трансформированный в ходе социального прогресса этнос, а существующие этносы – как реликты или пережитки догосударственных и раннегосударственных стадий развития.

Такая модель поэтапного перехода к высшей стадии общественного развития через слияние частей в качественно новое однородное целое приводила к выводу, что на следующей, глобальной, стадии развития с неизбежностью произойдет следующий этап унификации – слияние и, как следствие, “отмирание” национальных государств как базовых институтов индустриальной эпохи и возникновение новой социальной общности, соответствующей глобальному рынку.

Очевидным недостатком модели развития через слияние более ранних общностей было игнорирование устойчивой этнокультурной мозаичности мира, включая Европу: этнокультурная унификация всегда была существенной, но далеко не абсолютной тенденцией исторического развития.

Характерный для европейской социальной теории экономический детерминизм трактует глобализацию как непреодолимый, необратимый и безальтернативный процесс глобальной конвергенции. Считается, что тенденция к растворению границ, размыванию и атомизации национальных элит, монетизации неэкономических аспектов жизни уже в ближайшем будущем не оставляет места для сколько-нибудь сложных и стабильных локальных общностей.

Таким образом, провозглашается не только “конец истории” (Фукуяма), но, по сути, и “конец социальных структур”, “конец традиции” и как следствие – конец всей “цветущей сложности” как атрибута социальной формы развития материи.

В итоге перспектива поэтапной конвергенции и социокультурной унификации локальных общ-

ностей вплоть до образования глобального сверхобщества с единой “общечеловеческой” идентичностью считается неизбежной не только творцами и теоретиками западной модели глобализации, но и многими ее критиками.

Между тем, реальная глобализация с характерным для нее кризисом национального государства и национально-гражданской идентичности не только не ускорила “отмирание” этноса, но привела к неожиданному глобальному всплеску этничности и религиозности, устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового развития [1, с. 3–7].

Неожиданный ренессанс этничности на рубеже XXI века показал недостаточность, противоречивость и фрагментарность как конвергентной модели глобализации, так и социальной теории в целом, не сумевшей не только заранее предсказать глобальный кризис этноконфессиональной сферы, но и осознать его постфактум.

Убеждение в экономически и технологически (информатизация) предопределенном “отмирании” этнической и национальной идентичности с формированием глобально усредненного, хотя и стратифицированного, мирового социума характерно не только для последовательных глобалистов и неоллибералов, но и для их оппонентов левомарксистского толка [2, с. 14].

Между тем оказалось, что по мере углубления глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не “сглаживается”, не “ассимилируется” и не интегрируется в глобальную “мультикультурную” среду. Напротив, на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма переживают период небывалого подъема.

Явная и повсеместная реактуализация этноса позволяет сделать вывод, что этническая и национальная (национально-государственная) идентичность, этнос и политическая нация – тесно связанные, но не тождественные социальные явления, связанные с различными социальными группами и социальными ролями.

В целом, известные теоретические подходы к проблеме этноса, сформировавшиеся до эпохи глобализации, объединяют неспособность предсказать реальные процессы этногенеза и социогенеза в качестве новых условиях глобального кризиса: примордиализм более адекватно объясняет генез развития этносов на догосударственной и раннегосударственной стадиях, но не на стадии индустриализма, а конструктивизм удовлетворительно описывает национальное строительство и генез политических наций, но игнорирует совре-

менные этносы как объективно существующие социальные группы.

Таким образом, для построения адекватной современности теории этнополитических процессов необходимо более четкое разграничение сфер этнического и национального, основанное не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации, как социальных групп. В частности, ранее авторами были предложены следующие тезисы [3, с. 218–232]:

- Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот, причем индивид входит как в нацию, так и в этнос. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, обратимо уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.
- Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.
- Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – трансляция этничности через образ (способ) жизни и “структуры повседневности” [4].
- Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Проблема соотношения этноса и нации актуальна для анализа повсеместно нарастающего кризиса этнонациональных отношений как одной из ведущих угроз глобального “мультикризиса” [5, с. 114–125].

Вне поля зрения теории остаются механизмы и движущие силы этнизации и ее связь с кризисом национальных государств и национальной идентичности. В частности, на фоне всплеска этничности меньшинств и диаспор не осознавался рост проявлений этничности крупных государство-

бразующих этносов. Таким образом, встает еще одна проблема социологии глобализации – вопрос о современном бытии крупных государствообразующих этносов как массовых и политически значимых социальных групп.

В качестве объективной движущей силы конкуренции и коэволюции этноса и нации следует рассматривать динамику их сравнительной социальной привлекательности и востребованности, то есть способности данных социальных групп инкорпорировать новых членов, удовлетворяя их существенные социальные потребности и интересы [6, с. 17–23].

Предпосылкой кризиса современных наций стало резкое сужение социальных функций и ресурсной базы государства, связанное с экономической глобализацией и размыванием “среднего класса” как массовой социальной базы нации. Сужение жизненно важных для граждан функций и социальных гарантий государства привело к обесцениванию, деактуализации нации как интегрирующей социальной общности, сбалансировано обеспечивающей индивидуальные и групповые интересы своих членов.

Характерный для неолиберальной социальной политики “отказ от государственного патернализма” также создает предпосылки для фрагментации нации и актуализации альтернативных социальных групп – прежде всего – этнических и религиозных.

Хотя в условиях глобализации “наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности” [7, с. 30], на практике выбор ведущей идентичности предельно узок и предreshен наличием у индивидов второй, этнической (и связанной с ней религиозной), идентичности, которая выходит из тени национальной и становится ведущей.

И действительно, практика показывает, что при распаде или ослаблении политической общности индивид “выбирает” свой этнос – “параллельную” нации социальную общность, в которой де-факто существует с рождения и с которой связывает будущее своих потомков независимо от трансформаций социальной среды. По сути, ситуация выбора этнической идентичности возникает только у детей от межэтнических браков.

Иначе говоря, глобализация, ослабляя формирующие нацию и национальное сознание гражданские и политические институты, ведет к замещению их институтами традиционного общества и обычным правом, то есть к распаду политических наций на этносы, которые все чаще конкурируют с государствами и транснациональными корпорациями не только за ресурсы, но и за политический контроль.

Одно из ведущих противоречий глобализации состоит в том, что этнос, включая его современные формы, адаптированные к глобальной социально-экономической среде, не может служить социальной основой для современной глобальной экономики и ее технологической инфраструктуры, пока обеспечивающей сравнительно устойчивое и мирное сосуществование 6 млрд людей, принадлежащих к разным этносам. Выйдя из тени гражданской нации, современный этнос остается продуктом достаточно архаичной самоорганизации на основе родственных и клановых связей, донаучных форм общественного сознания и ориентирован на присваивающие формы хозяйства и жесткую межгрупповую конкуренцию как основной способ расширения ресурсной базы группы.

На практике это означает, что в условиях глобализации политической и экономической формой существования современных этносов и этнических диаспор часто становятся этнокриминальные сообщества. Так, ярким примером институализации современного этноса может служить албанская диаспора, в исторически короткий срок после открытия границ резко усилившая позиции в международной криминальной экономике.

Таким образом, на постиндустриальном этапе мирового развития этнизация зачастую становится индикатором и одной из форм системного социального регресса, массовой десоциализации, маргинализации и криминализации населения, а часто – катализатором необратимого распада наций (так называемая югославизация).

В результате глобализация и вызванный ей кризис гражданских наций и социального государства создают ситуацию, когда этнизация и сопутствующая ей клерикализация общества с распадом общества на враждебные религиозные общины дополнительно ускоряют и углубляют порождающий их кризис гражданских наций.

Основным препятствием для осознания устойчивого бытия этнических групп в условиях индустриализма и постиндустриализма было убеждение в “остаточности” и, соответственно, все меньшей актуальности этничности, якобы быстро и необратимо уничтожаемой по мере изменения образа жизни (урбанизация, миграция), унификации массовой культуры сначала на национально-государственном, а потом и на глобальном уровне. В то же время как полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности [8 с. 125–126].

В конечном счете, в ходе политического строительства этнос не “отмирает” и не трансформируется в нацию, а обратимо вытесняется из сферы политических и производственных отношений в сферу частной и семейной жизни, на латентный уровень, что придает этносу гораздо большую стабильность и независимость от социальных кризисов и трансформаций.

Очевидно, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного взаимодействия.

Из природы этничности, основанной на образе жизни и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса как типа социальной группы свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным этносам исторического прошлого.

Таким образом, создание политической нации не уничтожает государствообразующий этнос, а вытесняет его в сферу частной, повседневной жизни, используя для государственного строительства язык, территорию, культурные особенности и, самое главное, человеческий ресурс государствообразующего этноса. Это означает, что и в эпоху глобализации этнос с его механизмами горизонтальных децентрализованных связей и социальных сетей, далек от исчезновения хотя бы в силу того, что составляет повседневную социальную среду индивида.

Образуя видимую целостность (единство языка, территории, культуры...), государствообразующий этнос и соответствующая ему политическая нация сохраняют свою разнокачественность и самостоятельность, развиваясь с разной динамикой и инерционностью. Из разнокачественности и конкурентности сфер этнического и национального вытекает и наблюдаемая сегодня глобальная этнизация обществ как объективное следствие кризиса гражданских наций и разрушения их социальных институтов.

Одним из практических доказательств параллельного существования нации и этноса как самостоятельных социальных групп является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: этнос включает членов

различных гражданских наций, границы нации обычно шире отдельного этноса. Примером участия индивида в нации и в этносе как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах является распространенность многонациональных этносов, то есть этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства. В целом, этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций – распространенное в мире явление [9, с. 3–10].

К типичным полиэтническим нациям, члены которых устойчиво сохраняют групповую этническую идентичность, можно отнести американскую нацию. Успешным примером национального строительства, опровергающим распространенный после распада СССР тезис о “неизбежности” распада “империй”, под которыми понимаются полиэтнические государства с компактным расселением этнических меньшинств, может служить Индия. В целом, известная теория “плавильного котла”, некритически переносимая на глобальный уровень, не работает даже на уровне полиэтнических наций.

Еще одно доказательство самостоятельного бытия этноса и нации как пересекающихся, но не тождественных социальных групп – несовпадение связанных с ними социальных статусов и ролей, что известно в социологии как “феномен одновременного участия” [10, с. 199–201].

По сути, в условиях глобализации этносы становятся не просто “полинациональными”, а все больше отрываются от своих этнических территорий пространственно, усиливая интеграцию за счет глобальной экономической и информационной связности.

Таким образом, в условиях глобализации и даже “посглобализации”, то есть уже сформированной глобальной экономической и социальной среды, этносы не только выходят из тени гражданских наций, но закономерно приобретают форму глобальных политических акторов, участвующих в мировых процессах наряду с государствами и корпорациями. Одной из значимых форм реактуализации этносов становится этнический и религиозный фундаментализм.

Предлагаемая модель одновременного участия индивида в нации и этносе как несовпадающих социальных группах позволяет четко определить и разграничить понятия этноса и нации, уточнить области применимости известных социологических концепций, а также объяснить внешне парадоксальный характер и движущие силы современного этногенеза.

Литература

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
2. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ.; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова / М. Хардт, А.Негри. М.: Праксис, 2004. С 14.
3. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и нация как субъекты глобализации / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
5. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов глобализации / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2.
6. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и “ренессанс” этноса глобализации / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
7. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е.Н. Данилова, В.А. Ядов // Социс. 2004. № 10.
8. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном городе / Г.В. Старовойтова. Л., 1987.
9. Балашов Ю.А. Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. / Ю.А. Балашов. Нижний Новгород: изд-во “Медина”, 2008.
10. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества / пер с польск. / П. Штомпка. М.: Логос, 2005.